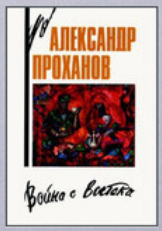
Александр Проханов

Родненький



Часть сборника
Война с Востока. Книга об афганском походе

Александр Андреевич Проханов
Родненький

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174702
Александр Проханов «Война с востока. Книга об афганском походе»:
ИТРК; Москва; 2000
ISBN 5-88010-099-5

Аннотация

В старину ставили храмы на полях сражений в память о героях и мучениках, отдавших за Родину жизнь. На Куликовом, на Бородинском, на Прохоровском белеют воинские русские церкви. Эта книга – храм, поставленный во славу русским войскам, прошедшим Афганский поход, с воевавшим войну в Чечне. Я писал страницы и главы, как пишут фрески, где вместо святых и ангелов – офицеры и солдаты России, а вместо коней и нимбов – бэтээры, и танки, и кровавое зарево горящих Кабула и Грозного.

Входит в сборник «Война с востока. Книга об афганском походе»

Александр Проханов
Родненький

Еще несколько часов до отлета, когда сгустится полная тьма и в туманных, осенних, с неясными звездами небесах поплывет медлительный звук, металлический незримый шатер взлетевшего вертолета. Ночные экипажи, недоступные для душманских зениток, операторов инфракрасных ракет, повлекут военные грузы, штурмовые группы десантников, одиноких штабных офицеров в районы боевых действий. Над спящими кишлаками, долинами сонных рек, втягиваясь в ущелья, огибая позиции крупнокалиберных пулеметов, всматриваясь чутко в смутные очертания гор, в близкие, размытые кручи. И стрелок-моджахед, кутаясь зябко в накидку, ощупывая ледяное железо зенитки, все будет шарить глазами, высматривать в звездной дымке невидимый контур машины. Еще несколько часов до отлета, и можно досидеть, догулять и допить.

Прапорщик Власов, разгоряченный выпитой водкой, с расстегнутым воротом, поглаживая курчавую грудь, смотрел смеющимися, ласковыми глазами на официантку офицерской столовой Ларису, принимая ее в своей маленькой комнатке с плотно занавешенной шторой, с закрытой накрепко дверью. Красной, жаркой спиралью горел рефлектор.

Лариса была в легкой, прозрачной блузке. На ее голой шее

поблескивала серебряная цепочка, которую она то и дело оттягивала, словно тонкое серебро душило ее.

– Ничего ты у меня не ешь! Почему? Вон икорка, возьми! Давай тебе икорки намажу! – Власов ухаживал за ней, нежно касался ее полной, белой руки. В то же время относился к ней с легкой насмешкой, с чувством полного над ней превосходства. – Ну давай я тебе икорки!

– Не хочу, отстань! – резко, почти грубо отвергала она его предложение. Оттягивала цепочку, шумно дышала.

Он не обижался, счастливо посмеивался, словно ее грубость и резкость доставляли ему удовольствие.

– Ну вот ты всегда так, рыбонька!.. Стараюсь, а угодить не могу!

Он знал причину ее раздражения. Над кроватью, в изголовье Власов повесил фотографию жены и дочки. Миловидная женщина, спокойная, серьезная, прижимала к плечу круглолицую девочку. Вдали какая-то роща, какой-то луг и избушка. Эта фотография, которой прежде не было, и вызывала раздражение Ларисы. Он обычно прятал снимок, когда поджидал ее. А сегодня не спрятал. Сегодня было можно и нужно не прятать. Оставалась неделя до прибытия в часть заменщика, такого же, как и он, прапорщика, ведающего продовольственным складом. Власов передаст ему свое хлопотное хозяйство, распишется в ведомостях, погрузит на самолет чемоданы, коробку с индийским сервизом, ящик с японским телевизором и без оглядки, с легким сердцем, отворачиваясь

торопливо от двух прожитых в Афганистане лет, улетит домой, к этим милым, глядящим с фотографии, лицам, к этим речушкам и рощам. А все, что останется здесь, – тесный модуль с рефлектором, вырытый в горе провиантский склад с вечным запахом гниения и прогорклости, сорный, бестравный плац с марширующей ротой, одинокое ночное рявканье танковой пушки и она, Лариса, скрасившая ему эти годы, – все это будет забыто немедленно, как ненужное, и он устремится к истинному, желанному, ценному. К службе, которую продолжит в среднерусской полосе в небольшом гарнизоне, к ненаглядной жене и дочке, к деревенским своим старикам. Туда его устремления и мысли. Поэтому и оставил висеть фотографию. Поэтому мучилась и раздражалась Лариса.

– Ненавижу! – сказала она, обегая глазами комнату, стараясь не смотреть на фотографию. – Открой, я уйду!

– Еще посиди! Вместе пойдем! – Он неуловимо над ней посмеивался, и это еще больше сердило ее.

– Очень ты мне нужен! Какое сокровище!.. Погляжу, как твой самолет взлетает, да к майору Супруненко уйду! Он меня давно приглашает, – мстила она ему. – Он говорит: «Брось ты своего хряка!.. Какой он мужик, под обстрелом ни разу не был! Тушенку со склада ворует и продает по дуканам! А есть настоящие боевые офицеры, которые воюют, жизнью рискуют!» Правильно он говорил: кому Афганистан – цинковый гроб, а кому – золотое дно!.. Уйду к Супруненко!

– Иди, иди, – не обижался Власов. – Он тебя сухпай-

ком угощать станет, боевой офицер-то! Ты напоследок моей икорки отведай и крабов возьми, а то ведь там-то, у храбрых, одни галеты!

Он выпил водки, с наслаждением вдохнул ее жгучую горечь, закусил маринованным помидором – из самых драгоценных, командирских запасов. Оглядел свою комнатку, вторую аккуратно застеленную кровать, принадлежавшую соседу-прапорщику, отосланному в командировку в Кабул. Шерстяной коврик, прикрывавший стену, и если долго смотреть на узоры, среди черных и малиновых пятен начинали чудиться диковинные деревья, птицы, верблюды, нарядные восточные танцовщицы. На гвоздях крест-накрест висели трофейный клинок, добытый из груды сваленного, привезенного после боя оружия, и тяжелая, с набалдашником и граненым стволом винтовка. Несколько глянцевитых листков календаря с видами русских рек и озер должны были напоминать об Отечестве. И рядом – большая румяно-голубая картинка, подарок десантников, захваченная в душманском караване: грозный всадник на коне въезжает в пенное море, держит пламенеющий меч, а за его спиной синие главы мечетей, витиеватые арабские надписи.

Нет, будет, будет он вспоминать эту комнатку. Не сразу, не в первые дни, а сначала забыв, отмахнувшись, потом вдруг припомнит, и, как знать, может, станет ему не хватать ее: потянет в нее обратно?

– Ведь я тебя люблю, дурака толстокожего! – жалобно ска-

зала Лариса, оглядывая его влажными, темными, умоляющими глазами. Чувствовала, тоскуя, что уже не нужна ему, что времечко их миновало. – Я думала, ты не врешь и вправду любишь. Думала, будет у нас с тобой семья, детей тебе нарожу… Вернемся, станем жить вместе… На квартиру я накопила, обставим ее, как мечтали. А ты врал!

– Да что ты, Ларисочка, врать-то! – объяснял он ей, жалея, и каясь, и испытывая тайное удовольствие оттого, что она так любит, так страдает из-за него. – Дело обычное. Афган свел – Афган развел!.. А там моя семья, жизнь другая! Ты ведь сама понимаешь!..

Конечно же, она понимала. Все они, гарнизонные женщины, – продавщицы военторга, судомойки, официантки в столовой, библиотекарши, поварихи, – все они, промыкавшись в Союзе, безмужние, бесквартирные, не первой молодости, познавшие женское лихо, мужское вероломство, изверившиеся в возможности семейного счастья, здесь, в Афганистане, оказались среди множества молодых, одиноких мужчин, стремившихся к ним, их желавших.

Выбирали себе покровителей. Становились женами на целых два года. Обретали наконец-то казавшиеся невозможными семьи. Жили в любви. Но кончался срок, приходила пора разъезжаться, и эта временная, задуманная на два года семья разрушалась, оборачивалась для женщины новым обманом. Афганистан был страной, где с грохотом взрывались на дорогах машины, с воем сгорали в небесах вертолеты и

неслышно, незримо разрушались двухлетние семьи, осыпались на женские головы обломками непрочного счастья.

Власов это видел и знал. Быть может, жалел Ларису. Но близкое возвращение домой, предвкушение отдыха, свидания с дорогими и милыми заглушали в нем чувство вины. И нравилось, что красивая женщина, на которую заглядывались офицеры штаба, предпочла им его, старшего прапорщика.

Шутливо ей говорил:

– Конечно, я в рейды не хаживал, караваны не забивал! Но без меня твой Супруненко хрен бы что смог! Брюхо ему я набиваю, храбрость его тушенкой и кашей поддерживаю!

– Ненавижу! Чтоб тебя напоследок зацепило!.. Чтоб тебя изувечило!.. Чтоб к своей гусыне калекой вернулся!.. Чтоб тебя разорвало на кусочки! – горько, зло запричитала она. Заплакала, заколыхала плечами. И вид ее слез, ее близкой дышащей груди, головы, с серебряной цепочкой шеи взволновал Власова. Он потянулся к ней, обнял. Она била его в плечи и грудь, что-то выкрикивала, а он целовал ее кричащий, задыхавшийся рот, соленые слезы. Сильно, грубо укладывал навзничь. И, наслаждаясь, чувствуя свою крепость, силу неутомимого тела, ее беззащитность, послушность, успел подумать: «И ладно! Всегда так было и будет… А то еще орет, что ненавидит!..»

Он приехал на взлетное поле, когда была уже полная тьма,

«рафик» миновал едва освещенное, из бетонных полукружий, строение аэровокзала. Покатил вдоль полосы, высвечивая бетон длинными лучами. Когда-то аэропорт, построенный американцами, являл собой драгоценное ажурное, застекленное сооружение, белоснежно парившее среди рыжих предгорий. Теперь, на девятом году войны, бетон на аркаде облез, стекла в проемах были выбиты, полукруглые своды, повторявшие своей формой глинобитные постройки крестьян, были иссечены осколками. И исчезли нарядные европейские туристы, разноцветные азиатские толпы, текущие к трапам громадных бело-голубых самолетов. Кругом были только военные, их серо-зеленые, пыльные одежды, их каски и бронежилеты. В степи, охраняя аэродром, врытые в землю, притаились боевые машины пехоты. В капонирах, спрятав узкие пятнистые фюзеляжи, укрылись штурмовики. И с унылым ревом садились и взмывали серые военные транспорты. Перевозили оружие, боеприпасы, раненых.

– Давай к диспетчерской, к вертолетчикам! – скомандовал Власов водителю.

Он зашел в деревянный домик диспетчерской, узнал номер борта – тридцать второй, – на который ему предстояло грузиться. Поглядел на пилотов, куривших, толкавшихся в тесной комнатке, пытался угадать свой экипаж. Снова вернулся к «рафику».

Машина стояла с выключенными огнями. Лишь в глубине тускло горела лампочка, освещая лица двух солдат и серые

картонные коробки. В коробках находились комплекты сухого пайка. Полторы сотни коробок для десантных подразделений, направлявшихся на боевые действия. Десантники ушли на броне в сторону пустынных предгорий, где тянулись мятежные кишлаки, дни и ночи двигались душманские караваны с оружием. Там предстояли тяжелые бои по истреблению группировки моджахедов. Десантники везли в отделениях боевых машин амуницию и боекомплекты. А сухие пайки им доставят в вертолетах по воздуху. Туда со своим интендантским грузом направлялся Власов. На одну только ночь: разгрузиться и утром вернуться обратно.

Он стоял, вдыхая ночной чистый воздух. Хмель от выпитой водки почти исчез. Голова слабо, сладко кружилась, и звезды не мерцали, а словно дышали вместе с ним. Каждая была окружена легчайшим млечным облачком.

Вдоль летного поля горели синие, красные, убегавшие в темноту огни. Медленно, мерно натягивался, как струна, металлический звук вертолета. Удалялся, опять приближался. Невидимая машина парила среди звезд, и Власов старался углядеть заслонявшую звезды тень вертолета. Ему казалось – падающий сверху звук, туманное дыхание звезд покрывают его лицо мельчайшей металлической пылью. Мысли его настраивались на созерцательный лад, пытались выявить какой-то общий, существующий в жизни закон, которому подчиняется и он, Власов, и его «фронтовая подруга» Лариса, и майор Супруненко, и эти, сидящие в «рафике» солдаты, чьи

тихие голоса едва доносились наружу.

Закон заключался в том, что на этой войне каждому уготована своя судьба и доля. Эта скрытая доля ждет их всех впереди, но можно ее угадать и даже выбрать или избежать, передать свою долю другому, если знать этот тайный закон. Коробки с пайками, лежащие в «рафике», отпускались для каждого направлявшегося в бой десантника на всю продолжительность рейда. Но в этом рейде, в засадах и на минных полях, в стычках и от выстрелов снайпера, кто-то будет убит, и тем, убитым, сухой паек не понадобится. Значит, здесь, в затемненном «рафике», в сложенных аккуратно коробках уже скрывается будущая арифметика потерь, расчет смертей и ранений. И если перемешать, перепутать коробки, то таинственным образом перепутается и изменится вся арифметика смерти. Пуля выберет другого солдата, а прежний, на кого нацелена еще не излетевшая пуля, уцелеет, избегнет смерти, и ему достанется коробка с сухим пайком.

Эта догадка показалась ему соль достоверной, что возникло желание залезть в машину и переставить несколько коробок. Вмешаться своей волей в таинственный, грозный закон. Но он подумал: вдруг он что-то ухудшит, усугубит чужое несчастье. Пуля достанется тому, кого поджидает «дембель», или, может быть, даже ему самому, Власову. Сейчас плотно лежащие картонные бруски, набитые банками и галетами, не оставляют в своей кладке зазора, в который может просочиться его собственная судьба. Он – посторонний,

посыльный, возница – не имеет никакого отношения к опасному рейду. Но если ящики сдвинутся и возникнет зазор, то в него может проскользнуть и застрять его, Власова, судьба. Уж лучше не трогать коробки. Пусть лежат, как лежали. Не шутить, не испытывать грозный закон.

Он вспомнил, как к госпиталю, к помещению морга, доставили партию деревянных, смолистых ящиков, подготовленных к предстоящим боям и потерям. Рота солдат проходила мимо, и солдаты, все как один, смотрели на белые, пахнувшие елью штабеля, и лица у всех были с одинаковым, остановившимся, окаменелым, выражением. Ротный, заметив это, скомандовал: «Бегом марш!» – прогнал поскорее роту мимо пока еще пустой дощатой горы.

«Ну их к черту!» – отмахнулся Власов от этих воспоминаний, радуясь своему скорому возвращению к жене и дочке, своему здоровью и силе, слезам безнадежно любящей его Ларисы, их соленому вкусу, ее белой, дышащей шее с серебряной тонкой цепочкой.

Он увидел, как вдали над полем возник светящийся конус. Медленно приближался, снижался. На другом конце полосы вспыхнуло ослепительное круглое солнце, озарило бетон длинным, пульсирующим, фиолетово-ртутным свечением. И в этот дрожащий поток с ревом, звоном ворвался, скользнул штурмовик. Стеклянно сверкнул отточенными кромками. Выплюнул тормозной парашют. Промчался к дальнему краю поля. Прожектор погас, и во тьме, невидимый, гудел

и рокотал самолет, словно остывал, успокаивался, находил свое место среди других застывших машин.

Су-7 вернулся с ночного удара. Где-то в долинах громил мятежный кишлак, посылал ракеты и бомбы по выверенным, нанесенным на карту разведкой целям.

– Эй, кто здесь харчи везет? – услышал Власов. Группа летчиков проходила мимо, направляясь к бортам. – Давай подруливай к «тридцать второму»!

Два вертолета Ми-8 под заправкой жадно сосали топливо, электричество. «Рафик» причалил под висящие лопасти. Солдаты извлекали коробки, втаскивали в вертолет, размещали их в глубине, у хвоста.

Власов стоял рядом с летчиками, чуть поодаль, всматриваясь в их пятнистые при свете фар комбинезоны, напоминавшие тритонов. У всех троих на плечах висели короткие автоматы ближнего боя, болтались на бедрах пластмассовые чехлы, куда они затолкают оружие во время полета. Двое повернулись спиной к Власову, командир и второй пилот, а борттехник, из вновь прибывших, молодой, со свежим, румяным лицом и маленькими светлыми усиками, внимал товарищам, хохотал, и глаза его отсвечивали голубым, а усики мерцали золотистыми искрами.

Командир поглядывал на заправщика, поплевывал. Слюна, падая, блестела в сиянии фар. Он рассказывал анекдот. Второй пилот помалкивал, – видно, слышал этот анекдот

многократно. А борттехник, из новеньких, заливался, сочно, сладко постанывая.

– Вот поехали, бляха-муха, в Афганистан Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и Баба Яга… – с хрипотцой рассказывал летчик. – Ну поехали, пожили, через шесть месяцев Кощей Бессмертный обратно домой припиливает: «Не могу, бляха-муха, больше! Подрывы замучили! Три „бэтээра подо мной взорвались!..“ – Он прервал рассказ, строго прикрикнул на солдата, проносившего картонные коробки: – Ты давай их ставь аккуратно и брезентом накрой, чтоб не рассыпались!.. Ну вот, бляха-муха… – продолжал он, возвращая себе заговорщически-веселую интонацию, – через год прибывает Змей Горыныч. „Не могу больше! „Стингеры“ затрахали! Невозможно летать, все крылья поотбивали!..“

Борттехник, представляя зрелище летящего на перепонках Змея Горыныча, сбиваемого ракетой, присел, хлопнул себя по бедрам, засмеялся. Власов заметил на его пятнистой куртке тонкий шнурок, исчезающий в нагрудном кармане, – то ли компас, то ли часы.

– Ну вот, бляха-муха, эти двое вернулись, а Бабы Яги нет. Год проходит – нет. Два, три – нет ее. Через пять лет явилась. Те к ней: «Что же ты, Баба Яга, так долго?» А та отвечает: «Это я здесь Баба Яга, а в Афганистане я – Василиса Прекрасная!..»

Командир хрипло засмеялся, и смех его потонул в молодом, счастливом гоготе борттехника, и цветной шнурок на

его пятнистой куртке трепыхался от смеха.

Власов знал анекдот. Он – все о тех же женщинах, искавших в Афганистане бабье счастье: о Ларисе. Ему было несмешно, но, желая понравиться летчикам, привлечь их внимание, он громко засмеялся.

Машины обслуживания отошли. Померкли отсветы на кончиках лопастей, на барабанах с остриями реактивных снарядов. «Рафик» разгрузился, отъехал.

– Айда! – махнул Власову летчик.

Они залезли на борт, оба пилота скрылись в кабине.

Ящики стояли в хвосте, стянутые, отороченные брезентом. На сиденьях лежали парашюты, и борттехник поднял туго набитый с висящими лямками ком, протянул прапорщику.

– Умеешь?

– Помоги, – попросил Власов.

Лямки были тесные, с трудом обнимали его большое, широкое тело. Борттехник, кряхтя, напрягаясь, упирался кулаками ему в плечи, бедра, натягивал что есть мочи ремни, застегивал металлические замки. Пестрый шнурок мотался перед глазами Власова.

«Часы или компас», – снова подумал он.

– На сухпайках такой живот не наешь! – сказал борттехник, тяжело дыша. – Тут, видно, другая еда!

– Заходи, угощу! – засмеялся Власов, укладывая себе на грудь тюк парашюта, из которого торчало тонкое красное

кольцо.

– Зайду, готовь стол! – хмыкнул борттехник, топорща усики. Заткнул короткоствольный автомат в кобуру и скрылся в кабине, захлопнув дверь.

«Как же, стол ему готовь! – вдруг обиделся Власов на вертолетчика, слишком нелюбезно, кулаками и коленями запихнувшего его в парашют. – Молод еще, полетай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.